

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ЛГУНЬЯ

Пьеса в одном действии.

Город Екатеринбург

2019 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРГАРИТА СЕРАФИМОВНА – 70 лет

СЕРАФИМА МАРГАРИТОВНА – 70 лет

В провинциальном музее. Наши дни.

Начало мая. Поздняя весна на улице. В музее, в старом домике в центре города - холодно, тут уже отключили отопление. Домик этот одноэтажный, деревянный – это провинциальный музей не то литературы края, не то истории края, не то какого-то великого земляка. Не разобрать, всё в кучку, все экспонаты по стенам натканы.

И какой-то мундир зеленый стоит в углу под стеклом, и сабли висят на стенах, и книги стоят на полках, и чашки-тарелки в застекленных стеллажах вместе с монетами, письмами, гусиными перьями.

Еще – чучела лисиц, медведей, тетеревов и зайцев. Во всех четырех комнатах музея старинная мебель: столы, тумбочки, пишущая конторка, шкафы, сундуки, одинаковые бронзовые люстры под потолком в каждой комнате.

И еще что-то везде стоит и лежит: заплесневелое, никому не нужное, на выброс всё.

При этом всё так уютно сделано, так чисто. Половички везде, салфеточки, на окнах льняные шторы – сквозь шторы солнце лезет с улицы. Всё, кажется, беспорядочно собрано, но и вместе с тем – всё обжито, всё так, будто хозяева вышли на минуту, потому что тут - всё для жизни.

В одном углу возле розетки на полу электроплитка, на ней кастрюлька, она шипит, в ней картошка варится.

Домашний уют в комнатах нарушают невысокие столбики, между которыми протянуты красные бархатные веревочки, а на них надписи скотчем приклеены: «Просьба не садиться! Просьба не заходить за ограждение! Просьба не трогать мебель руками! Просьба соблюдать чистоту! Просьба не лезть в шкафы руками! Просьба экспонаты руками не трогать!».

Стоит маленький стол, на нем посуда, накрыта салфеточками. Стоит у двери стол побольше, на нем желтый телефон.

Возле одной из таких веревочек стоят МАРГАРИТА СЕРАФИМОВНА и СЕРАФИМА МАРГАРИТОВНА.

Маргарита – в строгом костюме, в туфельках, с прической, ухоженная.

Серафима – наоборот: расхристанная какая-то, она в пуховике китайском, из которого пух торчит, с большими сумками – сумки возле ее ног стоят. На голове у Серафимы вязаная из кроличьей шерсти шапка, вся в катышках, нос у Серафимы красный, с улицы пришла, намерзлась, на ногах у нее «уги» – с них натекло на половики.

Часы с кукушкой бьют шесть вечера. Кукушка шесть раз выскакивает, кукукает.

СЕРАФИМА. До сколько сегодня вы тут Родине служите?

МАРГАРИТА. В смысле?

СЕРАФИМА. Открыт ваш музей еще?

МАРГАРИТА. А не видно?

СЕРАФИМА. Вот я принесла эту салфеточку.

МАРГАРИТА. А мне ее куда?

СЕРАФИМА. Не вам, а музею, в котором мы стоим тут.

МАРГАРИТА. А музею – куда? И главное – зачем?

СЕРАФИМА. Это память. Эта салфеточка от моей прапрабабушки. Эта салфеточка помнит войну 1812 года. К ней, может, Кутузов прикасался.

МАРГАРИТА. А Наполеон к ней не прикасался?

СЕРАФИМА. И он, я думаю, прикасался.

МАРГАРИТА. Ага. Я прям вижу картину Репина «Приплыли»: стоят Кутузов и Наполеон перед Бородином и в вашу салфеточку сморкаются. Сморкаются, сморкаются, да и давай друг у друга салфеточку вырывать вот эту, а потом на войну.

СЕРАФИМА. Да. Вот эту.

МАРГАРИТА. Вот эту вот кучку грязи.

СЕРАФИМА. Вот эту вот кучку грязи. Так вы считаете? Совпадение? Не думаю. Ладно. Не возьмете, значит? Понятно. *(Пауза)*. Музей, ага. Не дорожите вы русской историей, вот что я вам скажу. Либерасты. Так, да?

МАРГАРИТА. Дорожу я русской историей. Только если бесплатно. А вы же денег просите за это. Не просто так. Не в подарок. Женщина, это музей. Понимаете? Наши файлы памяти, так сказать. Понимаете?

СЕРАФИМА. Чего?

МАРГАРИТА. Собрание прошлого тут. Тут нельзя без бахил. Киньте в автомат пять рублей, он вам бахилы выдаст. Понимаете?

СЕРАФИМА. Понимаю. Ага. Пять рублей вам мои отдавать еще. Ага. Сейчас. Ничего, я так. Без бахил. У меня «уги». Они как бахилы почти что. Я в «угах» похожу тут. Потому что тут и не такое можно, я гляжу.

Пошла по комнате, подошла к столу, на котором жёлтый телефон стоит, схватила телефонную трубку, кричит:

Охрана? Вы почему музей так неважно охраняете? Или вы с ними заодно?!

МАРГАРИТА. Вы кому кричите? Вы какой номер набираете?

СЕРАФИМА. Я никакой не набираю. Я вообще номер не набираю. Я в космос кричу.

МАРГАРИТА. Женщина, идите уже! Нету охранника, мы его домой отпустили! Вы чего тут ор подняли? Тут музей! Тут тишина соблюдается! Экспонаты от вашего крика лопнут!

СЕРАФИМА. Кто лопнет?

МАРГАРИТА. Стеллажи стеклянные лопнут! Это музей, говорю! Тут специальная погода у нас, вентиляция, а вы грязь с улицы несете и кричите!

СЕРАФИМА. В душе у тебя грязь. Еще надо проверить, кто грязь в музей несет. Короче, хорош базарить. Шишли-мышли, сопли вышли.

МАРГАРИТА. Что?! Я говорю, стекло от вашего крика на витрине лопнет!

СЕРАФИМА. Ага, прям разлопнулось. Охрана где тут у вас? Нету никого? Ясно! Расхищай, кто хочет, социалистическую собственность! Потому что они тут не доглядывают, а они тут в музее пьянствуют постоянно! А уже старухи! Соберутся и пьют! И сегодня тоже! Собрались пить. Вот, пожалуйста!

Кинула трубку.

Подошла к журнальному столику, который в центре комнаты стоит, сдернула салфетку со стола. Стол накрыт. На нем свежие огурчики в тарелке порезаны, колбаска, хлебушек, помидорчики – скромно, но закусить можно.

МАРГАРИТА. И что? Это мой юбилей! Я сегодня праздную 75, нет, 85, нет – 70 лет! А еще 1 мая и День Победы!

СЕРАФИМА. Дак сколько лет вам? Дак какой праздник?

МАРГАРИТА. Сколько надо! Какой надо!

СЕРАФИМА. А в музее ресторан тут, что ли? Я же вижу ваше поведение. Я каждый день мимо окон с Петриком гуляю, мимо вашего музея иду и вашу пьянку вижу.

МАРГАРИТА. С каким Петриком вы гуляете? Вы старая!

СЕРАФИМА. Я не старая. А Петрик – моя собачка. Член моей семьи. А вы думали – мужик какой? Про мужиков вы тут думаете? Понятно. Вот, говорю еще раз, салфеточка, принесла вам, купите, ну?

МАРГАРИТА. Понятно. Петрик – член семьи, не мужик, а собачка. Психбригада уже подъезжает. Ну, а мне куда ее, еще раз спрашиваю, вашу салфеточку, я снова и снова вам говорю и спрашиваю, ну?

СЕРАФИМА. Не мне, не вам, а музею это. Снова вам говорю. Не истерикуйте, говорите с

посетителями музея спокойно.

МАРГАРИТА. Ну, а музею куда? А главное – зачем? У нас этого добра, салфеточек ваших – завались, девать некуда. Забито всё салфеточками. Все шкафы, все ящики. Все сундуки. Хоть бы что путнее принесли, да не на продажу, а в дар!

СЕРАФИМА. Я давно за вами наблюдаю. Я вас заприметила еще в по за том году, что у вас тут клуб алкоголичек. Еще раз, старые алкашки, говорю вам! Вы собираетесь, говорю, и пьете тут, запиваетесь, заливаются, песни поете, орете на всю улицу, на весь Литературный квартал! Это не музей, а дом пьяниц! А ведь называете себя не иначе как «эссенция интеллигентности». Так? Эссенция?!

МАРГАРИТА. Да это родственники писателей местных тут собираются. Музей Чехова, Горького, Шолохова, Ильфа и Петрова – вот и собираются родственники! И других многих известных писателей этот музей!

СЕРАФИМА. Да Евпатий Коловрат, что ты врешь?! Откуда тут в нашем городе у Чехова родственники? Ты с ума крякнула?

МАРГАРИТА. Родственники не буквальные, а по духу, женщина!

СЕРАФИМА. Лгунья.

МАРГАРИТА. Что? Кого?

СЕРАФИМА. Чехова?

МАРГАРИТА. Чехова!

СЕРАФИМА. Я напишу про вас жалобу в управу, в милицию, в санэпидемстанцию, в роспотребнадзор, в налоговую, к пожарникам и везде, куда надо! Пусть приструнят вас всех, этих старух алкоголичек приструнят!

МАРГАРИТА. Божечки, она с Петриком ходит и людям портит настроение! У нас тут Петриков нет! Пишите, запишитесь! Называется: кто бы дятла знал, если бы не его нос!

СЕРАФИМА. У вас вот тут вот петриков нет. Дятлы. Не петрите в голове вы уже. Ненормальные. Деменция старческая вы все. Потому что - алкашки.

МАРГАРИТА. Всё, идите. Я ставлю музей на сигнализацию.

СЕРАФИМА. Значит, не возьмете салфеточку?

МАРГАРИТА. Нет. Я же сказала: нет. Ну?

СЕРАФИМА. А у меня еще есть вот что ... *(Порылась в сумке, достала подсвечник)*. Редкая вещь. Таких вещей теперь не делают.

МАРГАРИТА. Таких наглых, скажу я вам, теперь не делают. Ваш подсвечник – Мэйд ин Чина! В Пекине! Или в Шанхае! Уходите!

СЕРАФИМА. Поосторожнее с выражениями. Вот чайник, вот примус, вот сысертский фарфор, коллекционный. Вещи редкие, а не как у вас тут везде вот!

МАРГАРИТА. Вы весь дом притащили сюда, что ли? Себе на развод оставили что-то? Всё. У нас не базар. Всё. До свидания.

Молчание.

СЕРАФИМА. Значит, празднуете 1 мая, День Победы, да? День Победы над вашим старческим алкоголизмом, да?

МАРГАРИТА. Ну, считайте, что так. Идите, сказала, ну?

Молчание.

СЕРАФИМА. Я вас всех ненавижу, всех, я всем вредила, я вам так навредю, я вредила

всегда, вредить буду всегда вам, уроды, вредить, вредить, вредить!

МАРГАРИТА. Зачем?

СЕРАФИМА. Ненавижу вас всех, твари.

МАРГАРИТА. За что?

СЕРАФИМА. За просто так.

МАРГАРИТА. Зачем?

СЕРАФИМА. Ненавижу тварей всех. Так бы поубивала бы. Так бы с ноги бы и дала. Так бы «уги» мои и просвистели бы у твоих ушей. Меня злоба на вас на всех душит. Мне прям радость, как где-то кто-то помрет или кому-то где-то плохо станет.

МАРГАРИТА. Зачем?

СЕРАФИМА. Так надо. Мне так лучше.

МАРГАРИТА. Ужас. Вы совсем больная. Вот, скоро придут люди ко мне на праздник и они мне помогут. Вытолкают! Я вижу, что я одна не справлюсь с вами, бессовестная! И охранник, как назло, уехал картошку сажать! Тут тишина соблюдается, говорю! Экспонаты нельзя трясти!

СЕРАФИМА. Я и не трясу.

МАРГАРИТА. Вы голосом трясете! Стекло лопнет на витринах! Вы кричите, как иерихонская труба! Наши файлы памяти пропадут!

СЕРАФИМА. Стекло лопнет скоро от вашего пьянства! Дайте мне жалобную книгу, я напишу на вас про то, как вы файлы памяти, понимаешь, тут сохраняете!

МАРГАРИТА. Какое пьянство? Это что такое?

СЕРАФИМА. Где книга жалоб?

МАРГАРИТА. У нас нет книги жалоб, у нас книга отзывов! Вот она, на столе лежит! Пишите, что хотите, вот она, книга!

СЕРАФИМА. И напишу!

Серафима открывает книгу, хочет сесть за стол, готовится писать.

МАРГАРИТА. Нельзя садиться на мебель!

СЕРАФИМА. Ну, ничего, раз нельзя. Я стоймя. Музей, ага. 21 век, ага. Ручку веревочкой привязали, чтоб не украли. Фу. Итак, пишу: «Я, гражданка Серафима Маргаритовна Киселева ...»

МАРГАРИТА. Кто Серафима Маргаритовна?

СЕРАФИМА. Я Серафима Маргаритовна!

МАРГАРИТА. Я – Маргарита Серафимовна!

СЕРАФИМА. А я – Серафима Маргаритовна!

МАРГАРИТА. А я – Маргарита Серафимовна! Хватит издеваться!

СЕРАФИМА. Это вы издеваетесь над русской культурой и историей! Я хожу каждый день мимо этого вашего музея с Петриком, хожу, а я живу напротив, и всё время наблюдаю вас всех троих - охранник четвертый! – в окна и у меня мозг разрывается. У меня кровь скоро из глаз хлынет от стыда за вас! Потому что я вижу, что вы тут такое устроили!

МАРГАРИТА. Да мы после работы общаемся просто, планы строим, думаем об разных темах экскурсий, а сегодня вон мы с сотрудницами, отмечаем вон – Пасху! Нельзя?

СЕРАФИМА. Ага, уже Пасху? А 1 мая, День победы и день рождения – не отмечаете уже, что ли? Только что ведь отмечали, сама сказала?

МАРГАРИТА. Дак нам что – нельзя, снова спрашиваю?

СЕРАФИМА. Дак будете 9 мая отмечать?

МАРГАРИТА. И 9 мая будем! И День Пионерии! И День защиты детей! И День России! Праздников много у русских – будем отмечать! Вот вы не русская – вы не будете с нами отмечать!

СЕРАФИМА. Почему это я не русская?

МАРГАРИТА. Потому что у вас отчество Маргариновна – сами сказали!

СЕРАФИМА. Неправдычка ваша! Не Маргариновна, а Маргаритовна! Мой папа был Маргарит – он болгарин! По-болгарски «Маргарит» – жемчужина, ясно? Папа болгарин!

МАРГАРИТА. Дак вы Серафима Жемчужновна?

СЕРАФИМА. Напрасно подкальываете. Не смешно и не подколете. Значит, так, вот что: вот, я еще принесла вам каслинское литьё. (*Роется в сумке*). Не литьё, как вы тут любите, а литьё я вам принесла.

МАРГАРИТА. Говорю – не надо нам от вас: ни литьё, ни литьё. Всё, до свидания, музей закрыт! Серафима Маргаритовна, вас много, а я одна!

СЕРАФИМА. Нет, не закрыт! В правилах посещения музеев в России написано: «Открыто до последнего посетителя!».

МАРГАРИТА. Я не припомню таких правил.

СЕРАФИМА. А что вы помнить можете? Свои файлы памяти, как вы говорите, можете помнить? Всё помните, нет?

Молчание.

МАРГАРИТА. Ладно. Хорошо. Осматривайте нашу экспозицию до конца и – валите.

СЕРАФИМА. Нет. Мне надо экскурсовода. Мне нужны объяснения. Я не могу просто так смотреть на все эти пылесборники. Я должна понять, зачем тут всё это и зачем собрано.

МАРГАРИТА. Вы должны понять, да?

СЕРАФИМА. Да, я хочу, чтобы мне рассказали про то, что тут вот здесь везде и там.

МАРГАРИТА. Здесь тут вот везде и там? Хорошо. Начинаем экскурсию. Вот тут вот, женщина, под стеклом – говно мамонта. Закаменевшее. Вот тут вот – глаз динозавра. Вот здесь змеиный скелет, которого в Африке вытащили из крокодила. Крокодил еще жив где-то. Вот это вот - ружье 15-го века. Может выстрелить, как говорится у Антона Павловича. Ну, вот и всё. Вы насытились историей нашего края? Вы всё поняли про наш край? А теперь ступайте, идите.

СЕРАФИМА. А почему музей имени Чехова, или там каких-то писателей, а тут лежит говно мамонта?

МАРГАРИТА. Серафима Маргаритовна!

СЕРАФИМА. Маргарита Серафимовна!

МАРГАРИТА. Серафима Маргаритовна!

СЕРАФИМА. Маргарита Серафимовна!

МАРГАРИТА. Серафима Маргаритовна!

СЕРАФИМА. Маргарита Серафимовна!

МАРГАРИТА. Серафима Маргаритовна! Не доводите до греха!

СЕРАФИМА. Маргарита Серафимовна! Вы ведь спалите тут музей ваш распрекрасный, понимаете?

МАРГАРИТА. Почему это я его спалить должна?

СЕРАФИМА. Потому что я же слышу: пахнет картошечкой с плиты. Закипела, сварилась, переваривается, в кашу превращается, в пюре ваша картошечка. А вы всё болтаете и болтаете, чушь всякую несете и несете.

Маргарита Серафимовна бежит, выдергивает штепсель электроплитки из розетки, хватает полотенце, снимает кастрюльку с плиты, стоит с нею.

МАРГАРИТА. Стойте там, ничего не трогайте, я воду солью!

Убежала в туалет, сливает из кастрюльки в раковину воду.

Серафима Маргаритовна стоит, ковыряет ногтем пальца какую-то картину на стене.

СЕРАФИМА. Сохнет она. Самой уже давно сливаться надо. Масло сливать. Ей на кладбище прогулы ставят, а она всё музеями руководит, экскурсии водит. И еще пьет тут! Все они тут пьют, запиваются.

Пришла Маргарита Серафимовна, поставила кастрюльку на стол, из кастрюльки пар идет. Стоят, молчат.

Слила воду?

МАРГАРИТА. Мы с вами на «ты»?

СЕРАФИМА. Я с тобой на «ты». Потому что я таких не уважаю.

МАРГАРИТА. Ладно, я буду с вами на «вы». Я не отвечу на агрессию агрессией.

СЕРАФИМА. Пар идет. Картошечка! Хорошо помогает подышать над кастрюлькой со сваренной картошкой. *(Пауза)*. От всех болезней. *(Пауза)*. Зелени надо добавить в картошечку. *(Пауза)*. И масла сливочного. *(Пауза)*. И масла сливочного. Только ГОСТОВского, я другое не беру, там добавки везде. *(Пауза)*. Тогда вообще - ум отъешь. *(Пауза)*. Так-то вот картошечку надо готовить. А то что ж она у тебя голая. *(Пауза)*. О, тут у вас водичка сладкая газированная стоит, «Буратино», прям из детства! *(Взяла бутылку воды, крутит в руках)*. Знаешь, как из этой бутылочки мы в детстве делали ангела, птичку? Эту вот этикеточку напололам порвать, загнуть и будет просто птичка! Летит! *(Порвала этикетку, машет бутылкой в воздухе)*.

МАРГАРИТА. Вы чего тут бутылками машете?

СЕРАФИМА. Не бутылками, а ангелами! Летают вокруг меня!

МАРГАРИТА. А Петрика вы на улице привязали?

СЕРАФИМА. Дома сидит. Ну, ешь, пока всё не остыло.

МАРГАРИТА. Жду, когда вы уйдете.

СЕРАФИМА. Ну, правильно, не ешь. Одна останешься – поешь тогда. Я тоже дома всегда одна ем. В столовую не хожу, чтоб никто не видел. Я так некрасиво всю жизнь ем. А старая стала, дак вообще. То упадет что-то, то плямкотеть начну. Зубов-то нету. Не будешь есть?

МАРГАРИТА. Не волнуйтесь. Сейчас мои сотрудницы подойдут и будем. Я красиво ем, интеллигентно. У вас если падает изо рта – это ваши проблемы. Мы не боимся никого. Мы красиво едим.

СЕРАФИМА. И пьем.

МАРГАРИТА. Мы не пьем. Мы выпиваем. У нас праздник. Мы немножко поедим и плямкотеть не будем. Без вас посидим. Вы не сядете за стол.

СЕРАФИМА. Вы не пьете. Вы за шиворот льете. *(Пауза)*. Да не придет никто, не жди.

МАРГАРИТА. Что?

СЕРАФИМА. Да то. Уехали обе твои сотрудницы на дачу к себе. И Татьяна Ивановна уехала, ее сын увез, и Наталья Петровна – ее внук увез. Совпадение? Не думаю. У тебя дачи нет. Сына нет. Внуков нет. Увезти некому. А то бы тоже - дом этот на клюшку и уехала бы, так?

МАРГАРИТА. Почему уехали? Кто сказал? Они забыли?

СЕРАФИМА. Никто не забыт, ничто не забыто. Просто не нужна ты им и всё. Они у меня в подъезде живут, я проследила, как они уехали, и пришла потому к тебе. Знала, что ты одна тут. Хотела посмотреть на твои муки. И смотрю вот. Потому что я всех ненавижу, и мне нравится смотреть, как кому-то плохо. Мало если кому поплохело, так хочу чтоб еще хуже было. Я давно за твоим музеем слежу, слежу, давно. Они что, не прислали вам эсэмсэки, не позвонили, не сказали, что не будут с тобой сегодня пить? Да им насрать на этот музей, ты только вот к нему приклеилась, милая.

МАРГАРИТА. Зачем вы пришли?

СЕРАФИМА. Так что, Маргарита Серафимовна, с такими друзьями – и врагов не надо.

МАРГАРИТА. Зачем вы пришли, спрашиваю?

СЕРАФИМА. А мне тут нравится. Старый дом. Стоял, гнил столько лет. Я ж напротив живу, сказала же. Видела всё. Пять лет назад на доме вывеска висела: «Продаётся» и телефон. Я позвонила по телефону. Мне сказали: «Миллион долларов». Земля-то тут в центре золотая. Ну вот. А потом дом этот олигарх из медной компании купил, подмандил, сделал его музеем, вроде как. Вас четверых нанял для близиру. Будто музей. А на деле-то – вы не знаете? – он тут себе, себе музей сделает скоро. Его, дом этот, сейчас в управление культуры взяли на баланс, будто тут музей города, а это будет музей имени этого придурка богатого. А потом, думаю, как он разорится, он всё барахло это на чердак и в подпол выкинет, и станет тут жить. За три копейки купил элитную недвижимость в центре города. Молодец, уметь надо.

МАРГАРИТА. Кто вам сказал?

СЕРАФИМА. Все знают. Ты одна не знаешь. Фу. Пахнет пылью как. Я бутылочку вот принесла. Ну, раз вы алкоголики тут, вам только такие подарки надо. *(Достала из сумки бутылку с затычкой из бумаги)*. Сама вино делаю. Сядем, ну?

МАРГАРИТА. Кто сядем?

СЕРАФИМА. Мы сядем.

МАРГАРИТА. Я вас не знаю.

СЕРАФИМА. Я Серафима Маргаритовна, сказала же.

МАРГАРИТА. А я Маргарита Серафимовна.

СЕРАФИМА. Да? Совпадение? Не думаю, как говорят по телевизору. *(Смеется)*.

МАРГАРИТА. Они не придут?

СЕРАФИМА. Они не придут. Сказала же, ну?! Сядем?

МАРГАРИТА. Ну, как не придут? Обещали мой день рождения отметить. И 1 мая, и Пасху, и 9 мая.

СЕРАФИМА. Не отметят.

МАРГАРИТА. Я музей не ставлю на сигнализацию спецом.

СЕРАФИМА. Ну, и не ставь. Ну, вот и сядем. Поговорим. Выпьем. День рождения твой? Ну вот. Кто в мае родился, тот всю жизнь маяться будет, знаешь ведь? Ну, как ты. Не маешься, нет? Совпадение? Не думаю. Я возьму картошечку? Молодая?

МАРГАРИТА. Кто?

СЕРАФИМА. Картошечка?

МАРГАРИТА. Молодая еще не выросла. Петр Степанович мне привозит по осени молодую.

СЕРАФИМА. А, ну да. Петр Степанович. Охранник, да? Возьму?

МАРГАРИТА. Да берите, что ж теперь.

Сели. Сидят.

Серафима Маргаритовна взяла картошку из кастрюльки вилкой, ест, обжигается.

СЕРАФИМА. Молодая – она-то вкуснее. Ну, и старая тоже хорошо. Картошечка. Вкусняшечка.

Молчат.

МАРГАРИТА. А кто вам это сказал про олигарха?

СЕРАФИМА. Стол красивый. Накрыто как красиво и много. А говорят, пенсионеры мало получают. Не мало. А народу нету никого. Никому ты не нужна. Рита, попка брита. Никому не нужна стала. Да и была. Старая кошёлка, старая перхоть. Только мне нужна.

МАРГАРИТА. Зачем я вам нужна?

СЕРАФИМА. Чтоб я могла посмотреть на твои муки, сказала же! Сядь, поплачь. Мне легче будет.

МАРГАРИТА. Да что ж такое? Это что за человек? *(Пауза)*. Я чего-то вот села. Я прям как под гипнозом будто. Может, у меня инсульт такой и я ничего не соображаю, а? Микроинсульт, а? Такой он бывает?

СЕРАФИМА. Инсульт, инсульт. Ешь, давай, тоже.

МАРГАРИТА. Или это гипноз такой?

СЕРАФИМА. Гипноз, гипноз, хватя тебя за нос. Инсульт и гипноз вместе? Совпадение? Не думаю. Ешь, сказала.

МАРГАРИТА. Что это я сижу с вами, с Маргаритовной? А? У меня даже силы нету встать, силы нету, что случилось?

СЕРАФИМА. Переходи на ты, не выкобенивайся. Я – Фима, а ты – Рита. Так?

МАРГАРИТА. Вот как ее выставить? Я обезножела.

СЕРАФИМА. Ритулька, дорогая, вот что я тебе скажу. Ты ведешь себя, как женщина с низкой социальной ответственностью. Понимаешь?

МАРГАРИТА. Как кто?

СЕРАФИМА. Как проститутка.

МАРГАРИТА. То есть?

СЕРАФИМА. А то и есть, что низкая социальная ответственность у тебя. Помогать олигархам увековечивать своё имя – ай-яй-яй. Как не стыдно?

МАРГАРИТА. Да это музей города, народной культуры, литературы! Это народный музей! Нам со всего города вон сколько экспонатов наташили!

СЕРАФИМА. Ага. Говна всякого на выброс наташили.

МАРГАРИТА. Нет! Я в интернете написала и мне натащили! Тут не всё в кучку скидано, тут есть система в обзоре, в этой выставке экспонатов!

СЕРАФИМА. Ага. Система тут – нуль система. Система ниппель. Туда дуй, обратно – блуй. Всё в кучу скидали, как помойка тут, вас посадили охранять, а вы, дуры, и верите.

МАРГАРИТА. Это социально значимый объект!

СЕРАФИМА. Это социально значимый объект с женщинами с низкой социальной ответственностью.

МАРГАРИТА. Да с чего это?

СЕРАФИМА. Да с того это. Всем угодить хочешь? И вообще! Вот что я хотела тебе сказать: Петра Степановича не трогай.

МАРГАРИТА. Чего?

СЕРАФИМА. Он настрадался. Он бандитом был в девяностые. Рэкетом занимался. Сидел восемь лет. Его олигарх там на зоне встретил. И помог устроиться сюда потом, через время, как Петр Степанович стал, как это помягче сказать – ну, недееспособным.

МАРГАРИТА. Он дееспособный. Да что вы всё врёте?

СЕРАФИМА. У него старческая деменция.

МАРГАРИТА. Нету у него этого. Вы всё врёте и врёте, на ходу сочиняете чушь всякую!

СЕРАФИМА. Ты пей, ешь, Рита.

МАРГАРИТА. Спасибо, не буду.

СЕРАФИМА. Праздник ведь. Пей и ешь. Твоё ведь всё? Ну и ешь. А Петру Степановичу я сегодня после обеда позвонила и сказала ему, что у него дача сгорела, горит – точнее, и чтоб он спешил туда к себе деревню уехать. Он и уехал. Бросил тебя. Понимаешь?

МАРГАРИТА. Как сгорела?

СЕРАФИМА. Ну, так, сгорела. Не по-настоящему. Уехал по моему звонку. Сказала ему, что я соседка с дачи и что у него горит домик его распрекрасный в деревне.

МАРГАРИТА. Зачем?

СЕРАФИМА. А мне с тобой разобраться надо, Рита.

МАРГАРИТА. Да что вам надо?

СЕРАФИМА. Шоколада.

МАРГАРИТА. Что вам надо?!

СЕРАФИМА. Того. Не трогать.

МАРГАРИТА. Кого?

СЕРАФИМА. Петра Степановича.

МАРГАРИТА. А вы ему кто? Дырявое решето?

СЕРАФИМА. Ты, Рит, на грубость нарываешься ...

МАРГАРИТА. Он же помрет от таких вестей?

СЕРАФИМА. Ты думаешь? Да? Думаешь, он может лапти склеить, да? Хотя нет. Да нет, он старикашка крепкий. Но хорошо было бы. Пусть откинется. Весело будет. Посмеюсь.

МАРГАРИТА. Вы что, ревновать вздумали?

СЕРАФИМА. Ревновать.

МАРГАРИТА. Дак он старый.

СЕРАФИМА. И что? Шестой.

МАРГАРИТА. Что?

СЕРАФИМА. Ничего.

МАРГАРИТА. Он старый.

СЕРАФИМА. Не старый.

МАРГАРИТА. Никому не нужный.

СЕРАФИМА. Мне нужный.

МАРГАРИТА. У него лысина. И волосы в носу и в ушах.

СЕРАФИМА. И что? Можно парик надеть. А волосы постричь.

МАРГАРИТА. Дичь уральская.

СЕРАФИМА. Ничего не дичь. Вот то, что ты делаешь – это, правда: испанский стыд.

МАРГАРИТА. Да он не нужен мне. Мне никто не нужен. Я давно уже жду звонка с неба.

СЕРАФИМА. Какого звонка?

МАРГАРИТА. Такого. Что вот-вот позвонят оттуда и скажут: собирайся.

СЕРАФИМА. По какому телефону позвонят? По этому? Нет. Никто не позвонит. Хотя хорошо было бы. Я бы хоть посмеялась. Люблю, когда помирают. Каждый день в церкву хожу смотреть отпевание.

МАРГАРИТА. Мне его жалко просто. Я его подкармливаю. Что дома остается – ему приношу.

СЕРАФИМА. Соблазняешь.

МАРГАРИТА. Нет!

СЕРАФИМА. Он что, собачка какая бездомная, что ты его подкармливаешь? Он тебе Петрик, что ли?

МАРГАРИТА. Нет, Петр Степанович.

СЕРАФИМА. Вот именно. Не Петрик. Ты его кормишь, а он не тебе, а мне знаки внимания оказывает.

МАРГАРИТА. Какие знаки вам, то есть - тебе?

СЕРАФИМА. Такие знаки мне, то есть - тебе.

МАРГАРИТА. Дак что?

СЕРАФИМА. Я шла по улице сколько раз, а он мне всегда комплименты говорил.

МАРГАРИТА. Какие?

СЕРАФИМА. Говорит: «Ой, какая миленькая собачка!».

МАРГАРИТА. Дак он собачке говорил, а не вам.

СЕРАФИМА. Нет. Он как бы намекнул, что раз у меня такой песик, то значит – у меня хороший вкус.

МАРГАРИТА. Он из вежливости сказал.

СЕРАФИМА. Не из вежливости.

МАРГАРИТА. Он пьяненький был.

СЕРАФИМА. Не сильно.

МАРГАРИТА. Он к фонарному столбу мог бы привязаться.

СЕРАФИМА. Не к столбу.

МАРГАРИТА. Он пьяненький шел с работы!

СЕРАФИМА. Правильно! А охранник, тем более бывший бандит, не должен пить! А вы его тут спаиваете все втроем!

МАРГАРИТА. Да рюмочку после работы, это не спаивать!

СЕРАФИМА. Рюмочка да рюмочка, а потом выходит за месяц целая цистерна.

МАРГАРИТА. Хватит!

СЕРАФИМА. Я вас всех ненавижу, всех, я всем вредила, я вам так навредю, я вредила всегда, вредить буду всегда вам, уроды, вредить, вредить, вредить!

МАРГАРИТА. Зачем?

СЕРАФИМА. Ненавижу вас всех, твари.

МАРГАРИТА. За что?

СЕРАФИМА. За просто так. Так, всё – я сказала. Наливай, давай. Выпью в вашем логове тоже. А то мне завидно, что вы тут шпарите каждый день, а мне не достается. Давай, сядем, потолкуем с тобой, подруга. Знаешь, я и не таких мужиков у баб отбивала в свое время. Признаюсь, было такое в моей жизни, со злости, чтоб на зло сделать этим бабам, да, и что? Хотелось посмотреть на ихнюю злобу, хотелось их позлить, а вот любить их, этих мужиков – нет, никогда никого не любила. Только назло всем всё делала.

МАРГАРИТА. Да за что?

СЕРАФИМА. Да за то. Я врала всякое всю жизнь, обманывала и смотрела, как они мне верить начинают и - смеялась. Как артисты на сцене, знаешь: играют, играют, все в зале плачут, а они выйдут за сцену покурить и смеются: во, обманули дураков!

МАРГАРИТА. Серафима Маргаритовна, а вы давно в зеркало на себя смотрели?

СЕРАФИМА. Зачем мне туда смотреть?

МАРГАРИТА. Затем, что - ад пуст. Все бесы на земле.

СЕРАФИМА. Чего?

МАРГАРИТА. Вы ведь как злобная старуха Шапокляк. Вы врете, что всегда такая были? Наверное, только вот сейчас такой перед смертью стали?

СЕРАФИМА. Перед какой смертью? Какой смертью? Я только-только жить начала. Не хорони меня, Ритуля-говнитуля.

МАРГАРИТА. Значит, это вы женщина с низкой социальной ответственностью, а не я.

СЕРАФИМА. Ой, милая моя, ты не знаешь ни фиги, твой миленочек похаживат, подёргиват меня. Не такие там слова, но всё равно спела. Нет, не сексу бабе надо, нет. Если ты этого не знаешь, дак я тебя научу. Нет, не его, не сексу. Бог сделал женщину из ребра Адама. Вот, бабе и надо одного: под мышку к мужику залезть, прижаться, глаза закрыть и уснуть, а больше ничего не надо. К ребрам его прижаться и так уснуть, вот и всё.

МАРГАРИТА. Прижимались?

СЕРАФИМА. Прижималась. Ночь, когда темно, прижималась и была настоящей, плакала у него под ребрышком. Но не по правде. Играла. Грелась. Просто, под мышкой у мужика, знаешь, как тепло?

МАРГАРИТА. Не знаю.

СЕРАФИМА. Я знаю, что ты старая дева. Всю жизнь одна. Боялась тем, кого любила, сказать, что любишь. Соврать боялась. Не верила, что по-настоящему. Тряслась и молчала, не говорила. Вот и осталась одна, дура. У разбитого корыта ты, в старом вонючем музее олигарха-олигофрена сидишь, говно мамонта охраняешь. Не так?

МАРГАРИТА. Значит – так, вы за этим пришли? Показать мне, какая я плохая и дура?

СЕРАФИМА. Конечно, так. И перетакивать не будем. Сказать тебе хочу, что поешь ты мотивно, а голос противный. Под мышкой у мужика уснуть – это тебе не шубу в трусы заправлять. А я могла. Я умела. Выпьем.

МАРГАРИТА. Не буду я с вами.

СЕРАФИМА. Ладно, пей, все пьют, только северный олень не пьет, ему рога мешают.

МАРГАРИТА. Слушайте, откуда вы набрались этого развязного барахла, мусора словесного, болтаете чушь всякую, будто зэчка какая, а?

СЕРАФИМА. Да хватит тебе, выпьем. Это просто мои поговорочки. Пей, сказала!

Выпили. Молчат.

МАРГАРИТА. А куда делись они?

СЕРАФИМА. Кто?

МАРГАРИТА. Те, из ребра которых вас сделали?

СЕРАФИМА. Куда. Куда. Побежали до пруда. Пять мужей у меня было. Потому что Бог любит Троицу, а Ленин пятилетку! Я красавица была. Не поверишь, но была. Профура была. Пять мужей было у меня.

МАРГАРИТА. И что? Все померли? И прижиматься не к кому?

СЕРАФИМА. Угадала. Черная вдова, считай. А теперь уже не сильно-то и прижиматься надо. Воспоминаниями я живу. Смеюсь сижу, вспоминая их. Ненавижу их всех. Нормально, а что? Нет?

МАРГАРИТА. А Петра Степановича вам тогда зачем надо?

СЕРАФИМА. Для коллекции. Шестой будет! Совпадение? Не думаю.

МАРГАРИТА. Мне назло?

СЕРАФИМА. Угадала. Раз так хорошо сидим, вот еще подарки тебе в музей. Любишь подарки? Не на продажу, дарю тебе!

Роемся в сумке.

Вот, крестик, это от первого мужа. Вот часы позолоченные от второго, вот чашка от третьего, вот пепельница от четвертого, вот зажигалка из пули от пятого, он был ветеран войны, пенсию хорошую получал – ох, мы и жили хорошо!

МАРГАРИТА. И вот куда нам это?

СЕРАФИМА. Можете музей переименовать в «Музей мужей Серафимы Маргаритовны». Как красиво будет! *(Смеется)*.

МАРГАРИТА. Зачем вы пришли?

СЕРАФИМА. Точно, переименовать! Пятеро их было. Переименуете, дак очередь будет вон стоять вон - от моста в кассу музея. Всем интересно будет посмотреть на такой рекорд, достойный книги рекордов Гиннеса.

МАРГАРИТА. Эта книга идиотских достижений, Серафима Маргаритовна.

СЕРАФИМА. Не завидуй, Маргарита Серафимовна. Я тебе еще экспонатов принесу.

МАРГАРИТА. Бред какой-то. Всё, домой пора идти. Никто не пришел, и правда. Всех разогнала Серафима Маргаритовна. Спасибо ей. Одна я за столом.

СЕРАФИМА. А я – не считова?

МАРГАРИТА. Одна я. Как всю жизнь.

СЕРАФИМА. Ну, любила же кого-то когда-то?

МАРГАРИТА. Наготовила вот, дура, как на Маланьину свадьбу. Спасибо тетеньке этой, что разогнала всех. И так радости в жизни у меня никакой, а она еще добавила. Остатки были в жизни у меня, поскрёбышки, она и их украла.

СЕРАФИМА. Я вас всех ненавижу, всех, я всем вредила, я вам так навредю, я вредила всегда, вредить буду всегда вам, уроды, вредить, вредить, вредить! Да не надо, не надо так трагично и пафосно. Едим вот. Нормально всё. И никого я не разгоняла. Захотели бы – пришли. Значит, не захотели. А что к тебе приходит? Ты зануда, я же знаю. Сидишь, всякую чушь вспоминаешь из своей жизни. Говоришь и говоришь без остановки. А им неудобно сказать, чтоб ты заткнулась и не вспоминала барахло всякое.

МАРГАРИТА. Это мои файлы памяти. Не трогайте.

СЕРАФИМА. Да какие файлы, что ты одно и тоже талдычишь?

МАРГАРИТА. Вам не понять.

СЕРАФИМА. Да уж куда мне.

МАРГАРИТА. И никому не понять то, про что я думаю.

СЕРАФИМА. Умный ищет причину беды своей в себе, а дурак в других. Понимаешь мою мысль недалекую, неглубокую?

МАРГАРИТА. Понимаю. Значит – я дурак.

СЕРАФИМА. Еще какой. Дурак с низкой социальной ответственностью. Выпью за твое здоровье. Ой, я же забыла, я же еще пирог принесла, сюда поставлю.

Роемся в сумке.

МАРГАРИТА. Не надо. Это некуда девать, выкинуть придется.

СЕРАФИМА. Да съедим всё. До утра гулять будем. Музыка включим, танцевать станем, вон, в костюмы в эти нарядимся, нет? Чтоб уж запомнить этот день навсегда. То есть, твой юбилейный день. «Этот день Помпеи! Порохом пропах!» ...

МАРГАРИТА. Она у вас бездонная, что ли, эта сумка? Там еще, поди, экскаватор спрятан, автомат Калашникова, Эйфелева башня – что там еще? Пальто, ковер-самолет, что там еще есть?

СЕРАФИМА. Да. И пальто есть, и ковер-самолет. Всё свое ношу с собой. Все мои пылесосиратели тут, все подарки, все наследство от мужей. Раздаю вот его.

МАРГАРИТА. Помирать собрались?

СЕРАФИМА. Нет, не помирать? Чуть-чуть хочу быть не злой, хочу доброй побыть.

МАРГАРИТА. Врёте.

СЕРАФИМА. Да. «Поздно, Соня, пить Боржоми, если почка отвалилась». Перевернём?

МАРГАРИТА. Ну, перевернём.

Выпили. Маргарита Серафимовна отщипнула кусочек теста от пирога. Ест, потом тесто нюхает.

Вкусно как пирог пахнет. Хлебом. Мама сама в детстве пекла хлеб в нашем деревенском доме. Так же вот пахло. А соседи покупали хлеб. И мне магазинный хлеб казался в сто раз вкуснее. Мама уходила на работу, а я шла к соседской девчонке и меняла домашний хлеб на магазинный. Дура.

СЕРАФИМА. Дура, точно.

МАРГАРИТА. Пахнет так же вот хлебом ваш пирог.

СЕРАФИМА. А чем он должен, по-твоему, пахнуть? Хлебом и пахнет. А тут у тебя в музее пахнет пылью и плесенью.

МАРГАРИТА. Ну да. Пахнет чем-то затхлым, но приятным. В деревне у бабушки была землянка. У нее так же пахло. От земли, из которой землянка была сделана. Стенки были из пластов земли, которые вырезали на поле, квадратами, прямоугольниками, их привезли и сложили стенками. Потом глиной обмазали. Тепло было в домике. Маленький, две комнатки, печка, полати, всё было, и всем места хватало.

СЕРАФИМА. У меня у бабушки такая же землянка была.

МАРГАРИТА. Я вчера шла домой мимо заправки, вдруг чувствую – запах бензина. Встала. Стою и нюхаю. Тут вот заправка, недалеко. Стою и нюхаю. А уже вечер, солнце садится. Весна холодная в этом году. Нюхаю стою.

СЕРАФИМА. Разговорила ты. Скучно тебе, да? Ишь тебя как, с рюмки развезло и забрало. И что потом?

МАРГАРИТА. Стою вот. И сразу вспомнила, как отец возил меня на своей машине грузовой. Ну, он возил зерно на элеватор, меня брал, маленькую. Это было или нет? Не было, кажется, а приснилось мне. А еще вкусно пахнет на деляне. Это место в лесу, где рубят и пилят деревья, заготавливают дрова на зиму. И туда меня отец возил. Мужики с отцом деревья пилят, а я в лесу грибы собираю. Встанешь у березы, смотришь вверх на листочки, а там где-то далеко в лесу пила гудит, деревья падают, сучья ломаются. А потом все рубщики еду какую-то на костре варят. Дымом пахнет. Тихо-тихо так. Веточки трещат в костре.

СЕРАФИМА. Слово такое я даже забыла - деляна. Да, деляна, правда. Так оно называлось. И у нас так же вот было.

МАРГАРИТА. А еще вкусно пахнет свежескошенная трава, а еще кофе. Трава – это будто дождь прошел, помыл всё. А кофе – это утро, новый день, перемены какие-то. Встань, кофе выпей, проснись, иди, улыбайся, а то все с утра - будто касторки выпили.

СЕРАФИМА. Я не пью касторку.

МАРГАРИТА. Вот, стою я вчера у заправки, бабка старая, стою, и слезы сами собой побежали-побежали. Повернула так вот голову: вечер, на небе месяц, на небе облака солнце прячут и такие они красновато-синие, облака эти, и так всё замерло, всё так тихо вокруг, так тихо ... Господи, как мне хорошо стало. Как жизнь прекрасна. И подумала я тогда, что умру когда, то там, там - буду вспоминать эту минуту. Вспомню, как я стояла на заправке, пахло бензином, были небо и месяц.

СЕРАФИМА. Снова замерло всё до рассвета. Ну да.

МАРГАРИТА. Трава на сенокосе, папка в машине, деляна в лесу, кофе – всё-всё моё детство. Куда всё ушло, куда пропало? Небо красно-синее, закат и воздух весенний, к

вечеру морозный, вкусный, лединками пахнет. И лединки в луже под ногами хрустят.

СЕРАФИМА. Хрустят, да.

МАРГАРИТА. А куда всё денется?

СЕРАФИМА. Что?

МАРГАРИТА. Ну, вот хоть то, что вчера было со мной у заправки?

СЕРАФИМА. А что было-то с тобой? Встала, постояла, пошла. Всё было только в твоей голове, и нигде более. Напридумывала трагедий и комедий, пьесу Шекспира со страстями сочинила, а никто этого не увидел и не знает, про что ты говоришь, потому что всё это только в голове твоей квадратной происходит. Совпадение? Не думаю. Понимаешь?

МАРГАРИТА. Ну, а вот это вот – из моей головы, оно куда-то упадет, где-то останется? Где-то останется или нет? В какой-то файл памяти встроится или нет?

СЕРАФИМА. Какие файлы памяти? Что вот ты тут изображаешь?

МАРГАРИТА. Ну, где-то же должно быть хранилище какое-то, куда всё-всё, все наши мысли, всё, что мы видели, узнали за жизнь, всё это там должно же храниться или нет? Должно быть такое?

СЕРАФИМА. Какое хранилище? Одна рюмочка всего, а посмотри-ка ты на нее ... Вот, потому твои работницы и не пришли, что ты болтаешь чувырню всякую.

МАРГАРИТА. А у вас что – не так? Вы не думали никогда об этом?

СЕРАФИМА. О чем, моя радость?

МАРГАРИТА. Где хранится ваша память?

СЕРАФИМА. Нечего мне вспоминать, незачем мне хранить всякую чушь. Я забыла. Я вперед всегда иду, никогда не оглядываюсь. Нечего из меня старуху делать. Если ты сама старая, то я не буду. Что это ты так – будто с жизнью прощаешься?

МАРГАРИТА. А не надо?

СЕРАФИМА. Не надо. Еще всё впереди, всё только началось. Мне звонков с неба нечего ждать, нечего мне в угол себя загонять.

МАРГАРИТА. Ну да. Ведь еще столько гадостей можно людям сделать. Наврать им всякого. Стравить, разозлить, заставить друг друга ненавидеть.

СЕРАФИМА. И хорошо же это, Марго! Пусть скубутся. А то сидят по домам и им скучно. А так – хоть какая-то жизнь.

МАРГАРИТА. Какая это жизнь?

СЕРАФИМА. Такая это жизнь.

МАРГАРИТА. Где же эти файлы запрятаны?

СЕРАФИМА. Да что ты привязалась, черт побери? Какие тебе файлы?

МАРГАРИТА. Есть такие папочки, в них можно многое засунуть, втолкать, набить.

СЕРАФИМА. Я компьютером не пользуюсь. В интернетах не сижу. Там всё – бесовщина. Дьявольщина. Зомбирование русского народа.

МАРГАРИТА. Файлы, понимаете? Это как в матрешке. Одна папка, а ней другая, в ней третья. Одна большая, главная, как жизнь, а в ней – миллион, миллиард можно запрятать папочек, поменьше. Где-то же ведь хранятся эти файлы памяти. Я вот всегда думала и думаю: а что видели и знали моя бабушка, моя мама, мой папа, дедушка и все-все, кого

уже нет на свете? Куда делось всё то, что они видели каждый день своими глазами? Не могло же оно исчезнуть совсем, уйти, раствориться, пропасть? Неужели всё, что видели их глаза и сердце, исчезло вместе с ними, испарилось, ушло куда-то в небытие? Может быть, где-то хранятся какие-то «файлы памяти»?

СЕРАФИМА. Ты бредишь, тётя.

МАРГАРИТА. Нет, правда. Я вот всегда-всегда думаю: думаю: а что же видели и знали моя бабушка, моя мама, что осталось у них в памяти? Ни баба Таня, ни баба Настюха, ни мама моя мне почти ничего не рассказывали про свою жизнь. А она была у них - такая простая и бытовая. Ну, такая – нормальная жизнь русской бабы: проснуться, накормить скотину, сварить детям и мужу поесть, целый день работать, а вечером – муж. Что думала баба Таня, когда просыпалась утром, когда она шла к печке, пекла хлеб, варила еду на всю ораву? Что она думала? Что видели ее глаза? *(Пауза)*. Никто не скажет. Нет таких файлов памяти.

СЕРАФИМА. С рюмки её повело.

МАРГАРИТА. У бабы Тани была землянка, дед наш был молчаливый и не веселый, плотник, он всю жизнь работал, колодец выкопал, березу в огороде посадил, 11 детей сделал. И вся его жизнь. А мама? Она всегда просыпалась в пять утра, шла, доила корову, включала сепаратор, перегоняла молоко, потом начинался день, и целый день она что-то делала, бегала и думала про нас, детей. А где файлы её памяти? Наверное, их нет и не может быть. Нет файлов памяти миллиардов людей, которые жили. Не сохранился нюх, запах, цвет и свет того времени – и это нигде не осталось. А в каком файле звон трамвая, речь улицы, как оставить всё это для вечности? Неужели всё это только воздух, никем не поймано, не сохранено? Зачем тогда всё было, если всё исчезло, а?

Молчание.

СЕРАФИМА. Я вас всех ненавижу, всех, я всем вредила, я вам так навредю, я вредила всегда, вредить буду всегда вам, уроды, вредить, вредить, вредить!

МАРГАРИТА. Зачем?

СЕРАФИМА. Ненавижу вас всех, твари.

МАРГАРИТА. За что?

СЕРАФИМА. За просто так.

МАРГАРИТА. Зачем?

СЕРАФИМА. Ладно, я наврала. Не доводи меня до слез и сама не плачь. Я ж не думала, что тебя твой день рождения без гостей так растеребенькает. Еще грохнешься тут и помрешь, а я виновата буду.

МАРГАРИТА. Что наврала?

СЕРАФИМА. Того наврала. Не звонила я Петру Степановичу, откуда у меня его телефон? Просто ты ему не нужна. Да и мне он не нужен. И про твоих сотрудниц ничего не знаю. Может, они придут сейчас, опаздывают просто. И он придет.

МАРГАРИТА. А зачем?

СЕРАФИМА. А затем. Всё наврала я тебе. Наврала, что Петрик у меня есть. Нету никого. Ничто живое у меня в доме не задерживается. Даже тараканов нету. Даже цветы на окне не растут, засыхают. А я живу на солнечной стороне. С утра солнце мне в постель падает, светит. А я просыпаюсь и у меня вот тут, в ямочке на шее – полная ямочка слез. И во сне я даже плачу.

МАРГАРИТА. Плачете?

СЕРАФИМА. А ты думала – нет? Думала, я змея? Ага. Сейчас. Наврала тебе, что салфеточка старая. Никакая не старая. Китайская, на рынке купила. Пластмассовая. Думала, хоть маленькая красота будет в доме, постелила её на стол, а потом – убрала. Не поможет. И что пирог сама пекла – наврала. Купила. Не сделала. Ничего не сделала. Вообще в жизни ничего не сделала. И вообще всё всегда всем в жизни врала. Зачем – не знаю. Всё в кого-то играла. Мне кто-то сказал, что по-научному это называется «биополярное расстройство».

МАРГАРИТА. Ну да. Так называется.

СЕРАФИМА. Рита, знаешь, только один раз в жизни было не вранье, а правда. Когда жила с первым мужем. Мы недолго прожили, он умер. Год жили всего. Я его так любила. Вдруг сейчас поняла, что любила его одного всю жизнь и всю жизнь вспоминала. Молоденький был такой мальчик. А вчера зашла в церковь, а там отпевание. Подошла к гробу и вдруг вижу, что он лежит. Он, молодой. А я его давно похоронила. А он снова и снова умирает. снова и снова похороны, снова и снова в гробу лежит. И я понимаю головой, что это не он, а другой какой-то, тоже молодой и умер, и все вокруг убиваются, а я хожу среди них и смотрю и не знаю, что со мной. С ума я схожу, что ли? Где ты сейчас, Сережа мой, в каких райских куцах сидишь там на небе, дожидаясь ли ты меня, миленький? Я ведь буду там с ним молодая, да? Не такая старая, как сейчас? Ну, скажи, Маргарита, жемчужная ты наша?

МАРГАРИТА. Молодая, да. Все будем там молодые всегда.

СЕРАФИМА. Ждет, поди, меня. Пора уж к нему. На что моя жизнь ушла, на что? Скоморошина старая.

Молчание.

МАРГАРИТА. Вы ведь врете сейчас всё. Красивое придумываете.

СЕРАФИМА (*смеётся*). Ну, конечно, вру. Я же артистка. Я хочу, чтоб ты заплакала, зарыдала, а я буду смеяться, как конь. Мне нравится, когда кому-то плохо.

МАРГАРИТА. Никого вы никогда не любили, Серафима Маргаритовна. Только себя. И сидите тут, сопли жуετε, играете, а я вижу, что всё врете. Мне вас совсем не жалко. Детей-то надо было рожать, дурочка вы такая. Женщина с низкой социальной ответственностью.

СЕРАФИМА. А ты что не родила?

МАРГАРИТА. Дак вот тоже – идиотка. Как и вы.

СЕРАФИМА. Дак надо было плодиться, как кошка? Лучше было бы так?

МАРГАРИТА. Я что, Господь Бог? Я не знаю. Идите.

Молчат.

СЕРАФИМА. Ладно, я пошла. Пустое всё. Но я своё взяла сегодня. Мне на душе полегче стало. Посмотрела на тебя, на твои нюни. (*Молчит*). Как я ненавижу все эти ваши музеи. Взяла бы вот всё и керосином облила и сожгла бы. Всё мертвое, всё под стеклом лежит, ни к чему дотронуться нельзя. Ненавижу. Говно мамонта.

МАРГАРИТА. Никого и ничто не любили и не любите.

СЕРАФИМА. Ненавижу всех. Врала и врать буду до конца. Вот даже помру и то – лягу в гроб, все придут, если придут, постоят у гроба, а я подскочу до потолка и закричу им всем: «Обманули дурака на четыре кулака!».

МАРГАРИТА. Некому кричать будет. Не придут.

СЕРАФИМА. Мне плевать, мне мой гроб не нести. Придут. Квартира-то кому-то нужна

ведь будет. Ты знаешь, что в жизни все делится на две категории: кто-то сходит с ума от любви – ну, вот любит он что-то, а другой - любит деньги. И всё. Две любви есть на свете, только это людьми движет, более ничего. Только это движет. Один идиот влюблен в какое-то дело, а другой идиот любит деньги, он тоже влюблен. Оба влюблены. Но по-разному. И всё. Так что придут. Чтоб всё разделить, растащить. Завещание я не напишу. Пусть разбирают, пусть дерутся, пусть скубуются, пусть злятся.

МАРГАРИТА. Здорово. Мне бы так. Подскочить и закричать. Да не выйдет. Ад пуст, все бесы на земле.

СЕРАФИМА. Да, да, нашла беса, чёрного черкеса! Это я! Не надо, товарищ Броненосец в Потемках, не надо! Я на вас на всех анонимки пишу, я хожу в райполком, в райсовет, в райздравотдел – я по раям хожу, не по адам! Я везде, где меня не ждут, я уже у дверей, перед самым открытием – я всегда в очереди первая, вот такушки тебе! Я не дам тебе жить спокойно!

МАРГАРИТА. Ну, не давайте.

СЕРАФИМА. Я на всех жаловалась и буду жаловаться! Соседи сверху топают ногами и что-то роняют мне на зло – я на них пишу. Девки наркоманки по подъезду в коротких юбках ползают, парни хулиганы под окном пиво пьют и орут – я на них пишу. Кошкой воняет от соседки напротив! Все мне мешают жить! Все мне поперек горла стоят! Все ворье, суки, сволочи, твари! Я на них пишу! Я не буду сидеть и смотреть на них, как они тут шляются и мешают мне спокойно жить! Я с утра сяду и на всех на них напишу анонимки! И на вас, на ваш сратый музей, сто анонимок напишу! Я теперь тут всё распознала и теперь вам тут не отвертеться! Я спецом пришла, чтобы изнутри у вас тут выведать всё! И теперь напишу! Я всё сделаю, чтобы вас закрыли!

МАРГАРИТА. Я ж говорю: старуха Шапокляк, Баба Яга против, крючоктвор. Пиши.

СЕРАФИМА. Хуже, Маргарита Серафимовна! В сто раз хуже! Еще хуже! Даже не придумали еще такого, как я, человека!

МАРГАРИТА. Я и вижу.

СЕРАФИМА. Сама ты это слово!

МАРГАРИТА. Кто мог на вас жениться? Ведь это с человеком надо жизнь проживать, каждое утро разговаривать, а когда он злобы полный – как можно с ним разговаривать?

СЕРАФИМА. Разговаривали же по утрам как-то. Молчали, думаешь, что ли?

МАРГАРИТА. Вы кому-то нравились? Ведь вы касторки попили и у вас недержание.

СЕРАФИМА. Не груби! Сама ты касторки! Я вам всем придам ускорение – пинка под жопу дам! Я вообще на бульдозере подъеду к вашему дому! Украду бульдозер где-нибудь и подъеду. С лица земли снесу вас. А замуж я выходила по расчету, дорогая моя. Один мне оставил квартиру, другой дачу, третий не помню что – посуду, что ли. Четвертый – тоже, пальто вот это, что ли. Мне много не надо, хоть немного урвала – и то хорошо, а они пусть на тот свет идут, ненавижу их!

МАРГАРИТА. А Сергей, говорила - с него что взяла? Ну, первый-то муж?

СЕРАФИМА. Дак то-то и оно, что взять с него было нечего, да и черт с ним.

МАРГАРИТА. Значит, никто там не ждет тебя, дура ты такая. Никому ты там не нужна. И всё снова и снова врешь. Чтоб пожалели. А никто тебя не жалеет.

СЕРАФИМА. Ждут. Меня там все ждут. С караваем, с хлебом солью. Ждут, не дождутся. На себя посмотри, страхолюдина. На вот тебе от меня, раз завещания нет от меня, на, тебе в могилу в твою, в твой музей на вот – дуршлаг, вехотка, звездочка октябрятская, и вот –

ты же всё про матрешку пела, вот тебе, на - файлы памяти! Вот тебе – матрёшка. Одна большая, а ней сто штук маленьких, сиди да открывай. Да ищи, что там в последней, какая там память в ней сидит, ищи давай!

МАРГАРИТА. Жалко тебя.

СЕРАФИМА. А, вот еще! Рубашка нательная, белая, от Сергея этого! Пришел из армии и оставил мне эту рубашку. Так и лежала сто лет. Хотела ею пол мыть. А вот тебе отдам! На! Выстави под стеклом и пусть все смотрят! Ишь, накрутилась, химию сделала, сидит, квашня, ждет кого-то. Кого ждешь? Петра Степановича? Даст Бог, помрет. Пойду в церковь, свечку поставлю кверху жопой, чтоб он помер скорее. Чтоб не досталось тебе ничего.

МАРГАРИТА. Дак и тебе не достанется.

СЕРАФИМА. И никому не достанется. И хорошо.

МАРГАРИТА. Да за что и почему?

СЕРАФИМА. Да ни за что и ни почему. И вообще: я не Маргаритовна, а Михайловна! И не Серафима, а Наталья! А болгар я ненавижу! Я вас всех ненавижу, всех, я всем вредила, я вам так навредю, я вредила всегда, вредить буду всегда вам, уроды, вредить, вредить, вредить!

МАРГАРИТА. Зачем?

СЕРАФИМА. Ненавижу вас всех, твари.

МАРГАРИТА. За что?

СЕРАФИМА. За просто так. Почему я одна должна быть несчастная? Пусть все будут такие. Пусть будут все!

Плачет.

Уходит.

Маргарита села, пирог ест, матрешку в руках вертит.

Уронила кусок пирога на пол.

Смотрит на него.

МАРГАРИТА. Как я некрасиво ем ... Всё из рук валится ...

Взяла белую солдатскую рубашку.

Положила на колени.

Гладит её.

Плачет.

Темнота

Занавес

Конец

9 мая 2019 года, Екатеринбург